

И.И.Муллонен*

Международная конференция «"Калевала" в контексте региональной и мировой культуры» (Петрозаводск, 2–6 июня 2009 г.)**

Состоявшаяся в Петрозаводске международная конференция была посвящена 160-летию выхода в свет полного издания «Калевалы». Организатором форума выступил Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, заложивший традицию проведения научных форумов, приуроченных к юбилею «Калевалы», еще в 1935 г., когда отмечалось 100-летие первого издания.

Научным поводом для проведения конференции послужило и то, что за последние годы в Карелии подготовлены крупные научные издания, посвященные народной поэзии. Среди наиболее значимых работ «Толковый словарь языка карельских причитаний» А.С.Степановой, сборник «Эпических песен южной Карелии», первая «Калевала» на вепском языке. Особо следует отметить, что последнее десятилетие стало своего рода ренессансом «Калевалы» в Карелии. Был осуществлен большой проект по переводу на русский язык и изданию всех пяти подготовленных Элиасом Лённротом версий «Калевалы».

В работе конференции участвовали специалисты из России и Финляндии. Состоялись два пленарных заседания, работали пять секций.

На секции 1 «"Калевала" в мировом фольклорно-литературном контексте» обсуждались три основные проблемы: «Калевала» в свете литературной традиции романтизма и

трансформация основных ее образов и мотивов в русской и финно-угорской литературе второй половины XIX и начала XXI в.; «Калевала» и проблемы перевода (лексический состав и стиховая организация текстов); «Калевала» и создание новых национальных эпосов.

Соглашаясь с заявленной в пленарном докладе А.И.Мишина концепцией «Калевалы» как текста, организованного по законам жанра литературной поэмы, Р.П.Коломайнен напомнил, что произведение появилось благодаря рефлексии Э.Лённрота на эстетические воззрения немецких романтиков и ориентации на «Фауста» И.В.Гёте. Вовлечение в литературную традицию, в свою очередь, дает импульс для порождения будущих серийных форм и ремейка, что свидетельствует о высокой интертекстуальности произведения.

Основные положения первых двух докладов нашли подтверждение в последующих выступлениях. Так, идею «серийности» по-своему трактовала Т.Курки, которая показала, что у Лённрота был последователь — современник и соотечественник Хейкки Мериляйнен, попытавшийся «дополнить» «Калевалу» за счет материала по народной магии.

Безусловно, интертекстуальность лённротовской поэмы возрастает в период становления литератур малых народов и реставрации почвеннических тенденций в большой русской литературе, что также нашло отраже-

* Муллонен Ирма Ивановна — доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 09-04-14034г.

ние в докладах. Реакцию на «Калевалу» в коми литературе проанализировала Е.В.Остапова, проведшая параллель между поэмой Э.Лённрота и эпическим творением К.Жакова «Биармия». Влияние «Калевалы» на формирование литературы на диалектах новописьменного карельского языка было рассмотрено в докладе Н.В.Чикиной на примере произведений Э.Дубининой (ливвиковский диалект) и М.Пахомова (людиковский диалект), созданных на рубеже XX—XXI вв.

Возвращение читателей к национальным истокам русской культуры в начале XX в. и в послереволюционный период было характерно для новокрестьянских поэтов, которые не могли не учесть опыт Э.Лённрота. Так, в трактате «Ключи Марии» С.Есенин, размышляя над вопросами о происхождении музыки, вспомнил о кантеле, созданном Вяйнямейненем (Е.А.Самоделова). Для творчества Николая Клюева «Калевала» была жанром-ориентиром при построении сюжета (рождение — свадьба — состязание певцов — поиски слова и т.д.) и эпического осмысления образов (Е.И.Маркова).

С.О.Захарченко обратила внимание на высокую частотность в поэзии и прозе второй половины XX в. топонима Калевала как указания на хронотоп или на эпические характеристики текста.

Оценив влияние «Калевалы» на творчество современных писателей Финляндии, М.Леппялахти остановилась на языковом (современный финский, диалекты финского языка, молодежный сленг) и жанровом многообразии произведений, использующих образы, мотивы, сюжетные коллизии «Калевалы» (от лирического стихотворения и романа до фэн-

тэзи и комиксов). Кроме того, «Калевала» тиражируется в пересказах и служит дидактическим целям.

Проблему перевода Ю.Б.Орлицкий рассмотрел с позиции стиховой организации текста: на разных исторических этапах превалировала то финская модель (высокая степень ударности), то происходил сдвиг в сторону русской (малоударной) модели. Последняя постепенно вытесняет финскую, что отражается и в самом известном ныне переводе поэмы А.Мишина и Э.Киуру. Что касается переводов на коми язык, то для них характерен поиск адекватных лексических средств, источником которых является архаическая лексика пермских языков (Е.А.Остапова).

Особого внимания были удостоены выступления, посвященные созданию новых эпосов. Позицию В.М.Ванюшева, переводчика и интерпретатора книжной версии удмуртского героического эпоса, о том, что эпос, созданный по калевальской модели, необходим, ибо он аккумулирует основные образы и мотивы народных песен, оспаривал В.В.Напольских, считающий, что искусственно созданный «удмуртский эпос» никак не может иметь статус «народного». Если А.И.Терюков выразил сомнение в необходимости каждому финно-угорскому народу создавать свой эпос как ответ на социальный запрос, то опыт работы М.Кемппинен над ингерманландским и особенно Буи Вьет Хоа — над вьетнамским эпосом показывает, что эпос выполняет интегрирующую функцию, служит формой выражения национального самосознания. В архаическом, поныне бытующем филиппинском горском эпосе обнаруживается тенденция к созданию «нормативных текстов», что, возможно, служит предпосылкой со-

здания эпического свода, подобного «Калевале» (М.В.Станюкович).

На секции «Эпические, лиро-эпические и лирические жанры фольклора: семантика и поэтика сюжетов, мотивов, образов (в свете типологических параллелей к "Калевале")» одним из объектов обсуждения стала совокупность проблем, связанных с определением природы «Калевалы». Как отметил финский ученый П.Анттонен, в истории исследования обозначенных проблем в разное время обнаружались различные теоретические подходы: «это 1) романтическая теория переоформления старинного эпоса, 2) эволюционная теория собирания рун в эпос, 3) перформативная теория о Лённроте как певце эпоса и 4) репрезентативная теория о Лённроте, применившем международную модель эпоса, создателе <...> современной литературы».

На конференции преобладали две точки зрения: «Калевала» — это литературное, авторское произведение; это «концентрированная литературная форма», в которой «нашла выражение древняя народная поэзия» (данная точка зрения была высказана ранее Э.Г.Карху).

Объектом исследования в первую очередь послужили эпические жанры, на материале которых обсуждалась проблема семантики и интерпретации фольклорных образов. В этом аспекте рассматривались перевоплощающиеся персонажи карельских рун и «Калевалы», основные герои карело-финского эпоса, русские богатыри (в сопоставлении с героями рун), «хозяйева» потусторонних миров, колдуны, состязающиеся между собой в своих магических способностях, а также образы природных объектов и стихий. При этом герои песенного и прозаического эпоса нередко сопос-

тавлялись с персонажами «Калевалы», что позволило, хотя бы в частных моментах, проникнуть в творческую лабораторию Лённрота, выявить некоторые принципы его работы с фольклорным материалом при создании своего бессмертного творения. Очерченный круг персонажей рассматривался в докладах Н.А.Криничной, Э.С.Киуру, В.П.Мироновой, М.В.Пулькина, Н.Е.Мазаловой, Л.И.Ивановой, А.С.Лызловой, П.Ф.Лимерова.

Образы природных объектов и стихий исследовались в докладах «Легенда о происхождении гидронима Текижа: фольклор, агиография, краеведение» (М.В.Ахметова), «К проблеме самоорганизации коми фольклорной традиции: образ Мороза» (А.В.Панюков). При этом А.В.Панюков использовал выработанное в физике понятие «самоорганизация» для анализа процессов, происходящих в фольклорной традиции.

В докладе В.Я.Петрухина был реконструирован космогонический миф о небесной охоте на лося, выявленный в архаических этнокультурных традициях, но вытесненный в карело-финском эпосе мифом о мировом яйце.

На заседаниях секции обсуждалась также проблема межжанровых и межэтнических взаимодействий. Так, А.Л.Топорков в докладе «Параллели между русскими заговорами XVII в. и карело-финскими эпическими песнями», охарактеризовав восемь «карельско-вепских» заговоров, установил характер взаимного влияния русских и карельско-вепских текстов Олонецкого сборника, выявил ряд параллелей между русскими и карельско-вепскими заговорами, с одной стороны, и карело-финскими эпическими и магическими песнями — с другой.

Часть докладов была посвящена проблеме изучения фольклорного контекста, в котором бытовала эпическая традиция. В двух докладах объектом исследования послужили причитания, в одном случае — похоронные, в другом — рекрутские и солдатские. В них анализировались мифологемы, объединенные оппозицией «мир живых — мир умерших», а также идеологема «отечество», для выражения которых использовались различные формульные воплощения (Э.П.Степанова, Т.Г.Иванова). Кроме того, рассматривались поздние духовные стихи, бытующие в старообрядческой среде, русской и карельской (В.П.Кузнецова). В одном из докладов анализировались новины в их соотношении с мотивами эпических песен и причитаний (Е.В.Марковская).

Проблему возрождения народного творчества в качестве культурной традиции подняла А.Ненола. По мнению ученого, превращение устного творчества в культурную традицию произошло через литературализацию, когда часть традиционной народной культуры стала основой письменной культуры.

Работа секции завершилась докладом Н.Г.Комелиной, осветившей малоизвестные страницы из истории фольклористики. Речь шла об изучении карельских эпических песен и «Калевалы» в 1930-е гг. в Карельском научно-исследовательском институте культуры (ныне — Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

Выводы, сделанные на разных материалах, проливают свет на природу и семантику соответствующих компонентов «Калевалы», имеющих аналогии в фольклорной традиции, но подвергшихся тем или иным измене-

ниям в процессе создания новой художественной целостности.

На секции «Мифологические представления в культурных традициях народов Европейского Севера» обсуждалась проблема взаимоотношений этнографических реалий, отразившихся в «Калевале», с культурными традициями народов Европейского Севера. Один из аспектов этой проблемы — мифологические представления и ритуалы — поднимался в докладе И.Ю.Винокуровой, реконструировавшей некоторые мифологические представления о птицах в вепсской традиции с привлечением карельских и финских параллелей о мифологической орнитофауне, отразившихся в эпосе. Выявлялись типологические параллели в семантике образа зайца в карельских эпических песнях, русском и карельском детском фольклоре (И.И.Набокова), проводился сравнительный анализ представлений о быке в русской и карельской традициях (Д.Д.Абросимова). На основе анализа текста 46-й руны «Калевалы» о медвежьем празднике А.П.Конкка пришел к заключению, что затесы, вырубаемые на деревьях на «пути медведя», имеют непосредственное отношение к представлениям, связанным с карсикко — деревом-знаком, сакральная функция которого часто сводилась к обозначению мифологических границ.

Ряд докладов касался бытования мифологических традиций в современной жизни народов Европейского Севера. Наиболее устойчивыми во времени являются похоронно-поминальные ритуалы. По мысли М.Д.Алексеевского, проанализировавшего тексты севернорусских причитаний, посещение кладбища в рамках поминального ритуала правомерно рассматривать как визит живых в

гости к мертвым. Сам поминальный день в традиционном мировоззрении осознается как праздник умерших, так что живые становятся их гостями, а поминальное застолье на могиле — совместной трапезой.

Проанализировав демонологические рассказы, собранные в 1996—2007 гг. в русских деревнях Архангельского Севера, Н.В.Дранникова сделала выводы о региональных особенностях мифологических представлений (персонажей, сюжетов, мотивов) исследуемого региона. Этот доклад, как и выступление К.К.Логинова о неполном соответствии термина *tiedai* у карел русским терминам колдун и знахарь, вызвали у присутствующих дискуссию об актуальности изучения «низшей мифологии» в настоящее время.

Проблема этнических стереотипов поднималась в связи с анализом репрезентации этнографии саамов в этнографических источниках XIX в., где влияние «Калевалы» просматривается в использовании поэтических оборотов, особенно при изображении природы Лапландии, употреблении различных клише, повторении стереотипов, связанных с представлениями о колдовстве саамов (О.А.Бодрова). Под влиянием «Калевалы» в значительной степени сложился и образ самой Карелии как края эпического творчества, что было убедительно продемонстрировано в докладе О.В.Змеевой и И.А.Разумовой «Фольклорно-этнографические реалии в системе локальной символики (на материале северных «исторических» городов)».

Конкретное восприятие времени, как и пространства, специфично для каждой культурной традиции, что было показано через выявление истории различных локусов, в частности

Тверской Карелии (О.М.Фишман) и Карельского приграничья (Е.Ю.Дубровская). На основе анализа источников личного происхождения (дневников, воспоминаний, писем, автобиографий и биографий) показано, что временные и пространственные понятия всегда определяются культурой; всякого рода социально-культурные трансформации влекут за собой изменения в мироощущении людей.

На секции «Язык фольклора, языковая картина мира (на материале фольклорной и диалектной лексики)» были заслушаны 10 докладов, посвященных языковым особенностям рун калевальской метрики (Э.Г.Рахимова, А.П.Родионова, А.М.Петров), карельских колыбельных песен (Н.А.Пеллинен), калевальских пословиц и поговорок (С.В.Ковалева), вепсских причитаний (О.Ю.Жукова), а также прибалтийско-финским лексическим особенностям, проявляющимся в языке русских былин (С.А.Мызников). Особый интерес вызвал доклад Н.Г.Зайцевой об опыте перевода «Калевалы» на вепсский язык и возникших при этом проблемах, связанных с фонетическими и грамматическими особенностями вепсского языка на фоне карельского и финского, с особенностью семантического развития ряда древних прибалтийско-финских слов в вепсском языке.

В докладе Д.В.Кузьмина анализировались некоторые карельские метафорические топонимы, в которых используются в том числе и калевальские образы. Заслушав выступление И.С.Николаева об опыте создания электронного корпуса ижорских эпических песен, участники конференции отметили важность создания корпусов фольклорных и

языковых материалов. Было подчеркнуто также, что анализ языка фольклора исключительно перспективен для исследования и создания младописьменных языков, каковыми являются карельский и вепсский.

На секции «Сюжеты и образы «Калевалы» в народном и профессиональном искусстве» рассматривались вопросы взаимодействия «Калевалы» с живописью и музыкой. Цикл «музыкальных» докладов включал обсуждение широкого спектра проблем, начиная от размера эпических рун, сложившегося около трех тысяч лет назад (П.Хутту-Хилтунен) и существования дорунических видов карельского фольклорного наследия (Т.В.Краснопольская), до эволюции рунических песен на мелодическом уровне, выявляющейся в современных полевых записях (Р.Ф.Зелинский), а также использования калевальской тематики в профессиональной музыке Финляндии (В.И.Нилова, П.Суутари). Внимание исследователей привлек и музыкальный инструмент кантеле, игра на котором сопровождала исполнение рун. Докладчики ознакомились с этнографическими и инструментоведческими

материалами, а также с мифологическими представлениями об инструменте (А.А.Гаджиева, А.В.Мешко, Н.С.Михайлова).

В выступлениях, посвященных интерпретации образов «Калевалы» в живописи, содержался целый ряд новых материалов об иллюстраторах «Калевалы» Алисе Порет (Л.Н.Вострецова) и Юлии Капитоновой (И.А.Пронина), о мастерах аналитического искусства, представителях филоновской школы, которые оформляли первое советское издание «Калевалы» (Е.Г.Софьи). Финская исследовательница Л.Иетсу высказала точку зрения, что именно благодаря художникам «Калевала» сыграла центральную роль в формировании финского национального самосознания, а искусство стало составляющей финской идентичности. «Калевала» глазами современных художников предстала из выступлений С.Кнууттилы и Е.С.Калинина.

Конференция послужила объединению специалистов, особенно работающих в области финно-угорской фольклористики, привлечению молодых фольклористов, осмыслению роли «Калевалы» в современном мире.